



№ 39, 29 сентября 1991 г.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

— Августовские события настолько перевернули нашу жизнь, что отсчет времени мы теперь ведем только от них. Но не кажется ли вам, что победа над заговорщиками создала лишь иллюзию шага вперед, а в реальности мало что изменилось?

— Я думаю, изменилось очень многое, хотя пока ничего не изменилось. Подавление путча и не могло сразу дать беднякам лишний кусок хлеба. Зато появилась возможность укрепить демократические структуры новыми законами, особенно в экономике. Это надо сделать мгновенно, может быть, за месяц. Мы слишком долго топтались на месте.

Но, может быть, самое трудное — найти способ заставить служить новой демократической государственности еще вполне сохранившийся старый аппарат... Грандиозный аппарат тоталитарного режима. Тысячи цепочек сверху донизу. Эти чуждые залежи могут тихо, незаметно и постоянно отклонять стрелку новой государственности в свою сторону. Такой ползучий путч страшнее любого открытого нападения.

Одно дело — путч в какой-нибудь банановой республике. Там вершущая армию заменяет верхушку правительства, а экономическая жизнь в стороне, она отделена от государства.

У нас вся экономическая жизнь все еще внутри государственной структуры. И там сидят тысячи и тысячи людей, которые ненавидят обновление или боятся его. Надо найти общий язык с лучшими из них и отбрасывать тупиц и мракобесов.

— Но как мы можем это сделать?

— Мы с вами можем делать только то, что может сделать свободная печать. Это немало, но главное сейчас — духовный облик новой власти. После подавления путча на взбалмошенной поверхности российской жизни появился мощный и чистый кристалл новой государственности. Неслыханное дело! Впервые за многие десятилетия российские народы начинают верить и могут поверить до конца, что у них честное правительство. В России честное правительство! Кто же не мечтал об этом! Психологическое значение этой замаячившей надежды грандиозно. Эта надежда может встряхнуть народ, освежить его душу, вывести его из тяжелой многолетней депрессии. Правительство должно во что бы то ни стало удержаться на уровне сегодняшнего представления народа о себе. Оно может в нашей сложной действительности кое в чем ошибиться, но оно не должно опускаться до вечного и жалкого соблазна перехитрить народ якобы для его же блага.

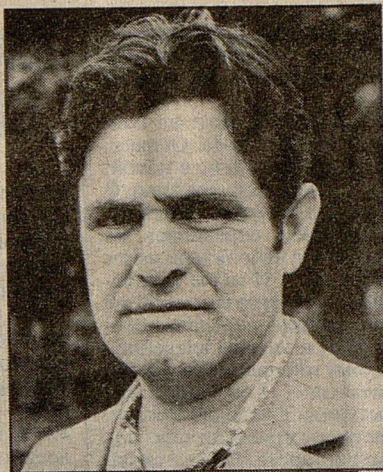
Короче, сегодня любой честный предприниматель, фермер, интеллигент, рабочий должен жить со спокойной верой, что у него есть защитник, его власть. До сих пор этого не было.

Говоря о революционном скачке после путча, о нашем новом состоянии, я не могу не вспомнить о том, кто все это начал. Я говорю о Горбачеве. Сейчас его многие критикуют, но именно сейчас видно, какую невероятную работу он провел. Сколько раз я, как и многие, в отчаянии хватался за голову, когда слышал в его речах осточертевшие банальности о социалистическом выборе. Но, видно, иначе нельзя было. Дерево зла, пустившее корни по всей нашей земле, нельзя было ни вырвать, ни вырвать. Его можно было только раскачивать. Справа налево, слева направо. И хотя часто казалось, что мы топчемся на месте (так оно и было в смысле реформ), но дерево зла раскачивалось, уже самым этим фактом на глазах миллионов людей подрывая миф о своей незыблемости. Шла незримая работа-освобождения от страха.

— Как вы думаете, есть у Горбачева шанс на дальнейшую роль политика или она кончилась на этом расшатывании?

— Я не знаю, как сложится его политическая судьба в будущем, я говорю о сделанном. Для свободы России, я считаю, он сделал больше Александра Второго и Столыпина. Они пошли против воли аристократических кретинов и были убиты революционными кретиновыми. А он пошел против уголовных кретинов и, слава Богу, остался цел.

— Вас не пугает, что новые лю-



ди, которые сейчас пришли к власти, тоже действуют пока по старому принципу: и вся-то наша жизнь есть борьба? Вопрос: «Что ты делал до 1917 года?» — заменен на: «Где ты провел три августовских дня 1991-го?»

— Да, конечно, я задумывался над этим. На Съезде народных депутатов я говорил об этом в беглом интервью для телевидения. Но эти кадры, кажется, не прошли. Будем думать, что случайно. Есть выражение у какого-то западного философа или философии: «Справедливость — беглянка из стана победителей».

Я думаю, что самое большое испытание команде победителей предстоит сейчас. Испытание на мужество в момент опасности она выдержала. Но как писатель, кое-что знающий о природе человека, предвижу, что самое большое испытание только предстоит — испытание на славу, на власть. Тут могут повзлести такие потроха, о существовании коих не подозревают даже их владельцы.

Но будем надеяться, что победители удержатся на взятой высоте. Посмотрим... К тому же великая вещь свободная пресса. Она может на ходу исправлять невольные ошибки, смирять амбиции власти имущих и не даст разгуляться административной глупости.

Никакая демократия не может избавить человека от его низких страстей. Управляют при демократии те же люди с теми же человеческими страстями, но в отличие от тоталитарной власти здесь власть под ироническим взглядом общества. При демократии, я полагаю, порядочность перестает быть государственным преступлением... И это немало, и на этом, как говорится, спасибо.

— Диктатура, говорившая из Кремля по-русски, кончилась. Но что будет с культурой, которая тоже освоила этот язык — от Москвы до самых до окраин?

— Я думаю, что пышный, аляповатый букет, именуемый многонациональной советской культурой, всегда пахивал хлоркой... Помню, помню все эти декады, все эти песни и пляски под бдительным присмотром чекистов. Однако должен сказать вот что. Чудовищная диктатура нашей страны действительно невольно способствовала распространению и закреплению русского языка во всех уголках нашей родины. Диктатура хотела, чтобы все понимали декреты, написанные на русском языке, но человек, овладевший русским языком, начинал читать не только декреты, но и «Капитанскую дочку» Пушкина. Нечто противоположное — культура.

Миллионы и миллионы людей на окраинах овладели русским языком, русской и мировой культурой через русский язык. Каждый — в меру своих возможностей.

И эта грандиозная реальность будет способствовать нашему добровольному объединению в будущем. Язык сильнее политиков, потому что он никого не принуждает. Любимой национальной культуре естественной и удобней всего показать себя миру через русский язык. И овладеть мировой технической и гуманитарной культурой народы нашей страны еще долго будут через него. Через русский язык добровольная духовная связь наших народов представляется мне естественной, прочной и долговременной.

ПОЙДЕМ ПОЛИВАТЬ СВОЮ ТЫКВУ

С писателем Фазилом Искандером беседует специальный корреспондент «МН» Елена ВЕСЕЛАЯ.

— Но почему бы эстонцам, например, не переводить Шекспира не с русского, а с английского?

— Прибалтика — это вообще особый край. Формально став советскими, прибалты как бы застыли в непреходящем недоумении. Они всегда производили впечатление иностранцев. Видимо, сказались более прочные европейские корни и более позднее присоединение к нам. Я о них не говорю, я говорю об остальных наших народах. Множество лет Москва была центром красноречия. Как только народы нашей страны уверятся в том, что она теперь стала центром свободы, они снова добровольно потянутся к ней. Это неизбежно...

— Пока наблюдается лишь центробежная тенденция.

— Конечно. Сейчас многие упиваются возможностью повернуться к Москве спиной... Проявление запоздалого свободолубия. Но пройдет время, и здравый смысл возьмет верх. В практической жизни самая прочная дружба — это дружба, основанная на взаимной выгоде. Такой, я надеюсь, и будет дружба наших народов.

Сейчас народ выступил не столько в защиту демократии, сколько брезгливо бежал к «Белому дому» от вони разрытых кремлевских гробов.

— То есть бежал скорее импульсивно, чем по здравом размышлении?

— Да. Пахнуло тюремной баландой, и народ отпрянул к «Белому дому».

— Из крайности в крайность. Среднего для нас как бы нет.

— Да, конечно, Россия страна крайностей... Может быть, дело в самих ее размерах... Тень государственного неблагополучия всегда витала над этой страной. Может быть, когда-нибудь наука докажет, что столь большая страна не может управляться из одного центра. Может, есть какие-то общественные закономерности, еще не открытые человечеством. Кто его знает...

Декабристы были обречены, но они правильно почувствовали исторический момент наибольшего сближения правящего класса с народом. В Отечественной войне против Наполеона простой мужик видел, что барин со своими сыновьями стоит рядом с ним под пулями врага. Такое не быстро забывается. Но момент национального согласия был упущен. Николай, может быть, напуганный декабристами, не решился на реформы. По-моему, после этого ни разу в истории России такое сближение правящего класса с народом не повторилось. Все реформы проходили в условиях нарастающего озлобления всех против всех.

Может, необозримые пространства России в условиях вялого, ленивого деспотизма породили нашу склонность к сказке, чуду, единому рычагу, который все сдвинет и расставит по местам. Задолго до Маркса кто-то из русских поэтов писал: все о нем, все о Гегеле моя дума дворянская. С чего бы это? Все та же мечта о чуде, о рычаге. Так мы

подбирались к Марксу. И Маркс поспеел не случайно. Как ни крути, а многие действительно поверили в эту сказку.

Мужественная трезвость Пушкина оказалась нам не по плечу. Вот тебе пример из нашего времени. Уже в годы перестройки я был членом нашей делегации на одной заграничной конференции. Сидим в ресторане и завтракаем. Один из наших делегатов сказал, что утренние газеты сообщили сенсационную новость: русские запускают в космос какие-то зеркала, которые будут отражать дополнительный солнечный свет на просторы России для повышения урожайности хлеба. Я думал, все рассмеются этой новости. Но никто не рассмеялся, а, наоборот, все начали оживленно обсуждать это сообщение, выражая горячую патристическую надежду, что зеркала нам помогут. А ведь это были умные, демократически настроенные люди.

Все или ничего — по такой формуле живут люди, которые подсознательно уверены, что они ничего не могут или ничего не хотят. Наш великий грех — неуважение к жизни. Когда нужно просто встать с места, набрать ведро воды и полить на огороде тыкву, мы предпочитаем рассуждать о спасении человечества. И чем сильнее бедная тыква нуждается в нашей поливке, тем красноречивее мы говорим о спасении человечества. Москва — третий Рим, Интернационал, электрификация всей страны, борьба за мир, космос, Афганистан — все это в конечном итоге нежелание встать и полить тыкву на огороде. Наш коллективизм или, еще красивее, наша соборность — это попытка скрыть, чего мы стоим каждый в отдельности. К черту всемирные идеи, пусть каждый поливает свою тыкву, и жизнь сама образуется. Если представить нашу прежнюю идеологию в эстетическом плане, это была попытка создать красоту беспредела — всемирность, новая эра, новый человек. Все это с треском провалилось и погребло под своими обломками миллионы ни в чем не повинных людей.

Я бы уточнил знаменитое выражение Достоевского: красота спасет мир. Я бы сказал: красота нормы спасет мир. И здесь возвращение к пушкинскому началу. Человек по своей природе существо, которое за сделанное утром отвечает вечером, а не через двадцать лет. Оторвав ежедневное дело человека от его ежедневной ответственности, наше общество лишило человека чувства собственной полноценности, чувства хозяина своего дела, мастера. Мы пережили позор зависимости мастера от политического настроения правительства.

Независимость человека должна определяться степенью совершенства его дела. Это норма. Это красота нормы. К этому мы должны прийти. И хватит об этом говорить. Пойдем поливать свою тыкву.